

МОНОЛОГИ

Смена. - С-176. - 1996. - 23 нояб. - с. 5.

Алексей Герман: Терпеть не могу глупых баб

ГОВОРЯТ, творцы должны быть непременно несчастливы в любви. Тогда в их творениях появляется какой-то нерв. Такой вот негуманный способ создания произведений искусства.

Алексей Герман, по моему разумению, счастливый человек. В том числе и в любви. То, что он делает как режиссер - невероятно долго, мучительно, со скандалами, - незамеченным не остается, и ажиотаж вызывает достаточно большой. Вопреки вышеизложенной теории. Но что удивительно: ни в одном из его фильмов ни единый человек не бывает счастлив в любви.

Монолог первый. О женщинах и любви

Как режиссеру мне интересна только несчастливая любовь, тогда я понимаю какие-то движения чувств. В "Двадцать дней без войны" любовь как будто счастливая, но на самом деле несчастная, потому что ничем она закончиться не может. В "Лапшине" такая же история - безнадежная любовь (Лапшин любит Адашову, Адашова - Ханнина, Ханнин - свою покойную жену Лику. - Прим. О.К.). Кстати, отец сначала написал "Лапшина", а потом переписал его на "Один год". "Лапшин" - прекрасная повесть, "Один год", по-моему, плохая... В "Одном годе" та же самая любовь, что и в "Лапшине", но счастливая... Я это читать не могу, мне неинтересно.

Ну а в жизни... конечно, когда я был молод, у меня были какие-то девушки. Помню, как-то по Киеву гулял с девушкой, ее звали, как сыр, Биола. Все было прелестно. Но потом это все как-то закончилось, забылось...

В школе у меня был приятель, который целовал в школьной раздевалке калоши объекта своих страстей. У меня ничего подобного не было. В детстве я был безумно влюблен в девочку Эмму. Как-то мы украли в школе (школы были раздельные) ее медицинскую карту, а там было написано: "живот мягкий". Я учился в девятом классе. И я ее разлюбил. Хотя что плохого в мягком животе, я до сих пор не знаю. А какой должен быть живот?! Стальной? Но то, что у предмета моей любви вообще есть живот, как-то настораживало. А уж живот мягкий - это было слишком. Она долго не могла понять, что произошло.

А вообще - главное то, что я терпеть не могу глупых баб. Тут для меня прямо катастрофа. Только писать не надо, у меня была жена - известная манекенщица, я от нее свалил. Нет, я не могу с глупыми бабами дело иметь. Дело - не дело, просто не могу. Мне неинтересно делается. Может быть, я исключение из правил, потому что кому-то нравится. Кому-то, возможно, хочется ощущать себя как-то более значительно, чтобы в твоих объятиях билось что-то нежно-прекрасное. Но побилось-побилось, а дальше что? Дальше надо разговаривать. И тут - стоп.

Когда-то мой папа сказал про одну женщину, ее любил его товарищ: "Ты можешь себе представить их жизнь? Мне кажется,

что они по вечерам играют в шашки". И захохотал. Потом я все представлял, любовь-любовь, а вечером - шашки. Наверное, и такая любовь существует. Пульхерия Андреевна и Афанасий Иванович - что может быть прекрасней? Старость может сохранять такое чувство, когда два старых человека как-то поддерживая друг друга живут. В эту любовь я верю, я ее ощущаю и понимаю. А молодую... конечно, она воспета поэтами, Пушкиным... Боже, что он там писал, а потом - в своем дневнике: "Сегодня с божьей помощью е... Керн". Тоже общеизвестно, верно?

Мне неинтересна молодая любовь. Вообще. А только зрелая, более поздняя. Знаете, как Константин Симонов писал, что ему всегда интересны только беременные женщины. Не в смысле влюбленности, конечно... В них что-то появляется паразитическое, другая жизнь, которой он не понимал.

Мне 58 лет, я еще принадлежу к мужскому племени, так скажем, но я не могу себе представить, чтобы я влюбился в 19-летнюю девушку или 25-летнюю и из-за нее что-то бросил. А вот влюбиться в 40-летнюю бабу, с напряженным умом - это просто могло бы со мной случиться. А то, другое, - мне смешно. То - обнюхивание, древнейший инстинкт.

Но просто так взять и влюбиться я не могу. Не могу сесть напротив женщины, потягаться ее ногами, руками, голосом. Не спать всю ночь, утром написать ей письмо: "должен быть уверен, что с вами вновь увлечусь". То есть написать, особенно в молодости, я мог все что угодно. Мог по крайней мере, когда мне было нужно отплатить с девушкой на диван. Но по жизни это был бы обман. Мне надо постепенно "в это дело" втянуться, почувствовать какую-то общность душ. Естественно, без секса это дело не получается. И если дама "желает", а ты "не соответствуешь", то через месяц все закончится, хотя бы из-за твоих собственных комплексов.

Любовь с постельными кувырканиями, с драмами ревности, убоганиями к какому-то Васе и обратно к мужу - мне на это смотреть смешно.

Черт его знает, может быть, потому что я жирный. Не знаю. И снимать такую любовь я никогда бы не стал.

В молодости я, конечно, не был монахом и с удовольствием, как говорится, выполнял свой мужской долг. Но "афри-

Фото
Александра НИКОЛАЕВА

Мне
неинтересна
молодая любовь.
И любовный
треугольник
тоже

канские" страсти мне были неинтересны. И если вспоминать какие-то мои серьезные увлечения, то это всегда были умные женщины. С которыми мне было интересно разговаривать, просыпаться, с которыми можно было обсудить прошедший день или телепередачу. Правильность или коммунистическую партию. Очевидно, секс играл тоже достаточно большую роль, но отдельно - для меня он не существовал.

Конечно, надо, чтобы и внешне человек нравился. Если бы женщина была отвратительной и от нее пахло псиной, вряд ли я бы смог ее полюбить. Но все-таки самый важный компонент для того, чтобы я мог увлечься женщиной, - это то, что мне должно быть с ней интересно. Вот как у Киплинга звери говорят: "Мы с тобой одной крови. Ты и я". Мне всегда было нужно существо одной со мной крови. Тогда могло что-то произойти.

А вообще я никогда особенным успехом у женщин не пользовался. Хотя все для этого у

меня было. Я был довольно хорошенкий. Причем, знаете, такой сладко-хорошенький, эталонный "армянский мальчик". Я был режиссером и достаточно быстро стал довольно известным. Был сыном известного писателя. В двадцать лет меня взяли в Большой драматический театр. Я был достаточно богат (по сравнению с другими): у нас было две домработницы, большая квартира, автомобиль. В этом смысле какая-то охота на меня, конечно, была. Чтобы выйти за меня замуж. Но бешено популярностью у женщин я не пользовался. Да как-то от этого и не страдал.

Монолог второй. О жене

С моей женой Светланой Кармалита мы всю жизнь очень тесно работаем; если бы не это, то, может быть, давно бы разошлись. Дело нас очень "стягивает". Хотя, конечно, мы достаточно привязаны друг к другу и так.

Светлана училась в аспирантуре Института истории искусств, когда я с ней познакомился. Это было на юге, в Коктебеле, в 1968 году. Я должен был ехать в Чехословакию, но 21 августа туда вошли наши войска. Это было как раз второй день нашего со Светланой знакомства. Потом мы вместе писали какие-то сценарии, что-то переводили, но все это - довольно эпизодически.

Как-то я поехал в Калинин снимать так называемую Тверь

Надо было снимать зиму, а все растаяло. Группа пьет, никому я не интересен. Хожу по гостинице из номера в номер. Стучу к одному - выскакивает потный человек, говорит: "Алексей Георгиевич - через час, пожалуйста". Захожу к другому, слышу, как там шампанское откручивают, девушки хохочут. А я один, поговорить не с кем. Позвонил Светке, говорю: "Свет, давай на одну лошадь поставим. Что там твоя история искусств, кому она нужна! Ерунда это собачья. Приезжай-ка давай лучше ко мне, кино снимать. Мне здесь одному просто не сладить". Светка приехала. Помню, с большим скандалом. Потому что у нее были тяжелые чемоданы, а я ее не встретил. Я на съемки уехал рано утром. Так мы стали вместе жить и работать. Она была ассистентом и вторым режиссером, помогала мне со сценариями и на съемках.

Потом меня выперли с работы. Я всегда внутренне был готов к неприятности, и это не было неожиданным. Поэтому, когда меня очередной раз выгнали, мы стали работать на Светлану. Писали вместе сценарии, но "под нее". Потом меня "посмертно" реабилитировали после "Проверки на дорогах", и мы стали вместе снимать "Двадцать дней без войны". Дальше начался "Лапшин", в паузе мы со Светланой тоже делали какие-то сценарии. Одни проходили, другие - нет.

Но я бы не сказал, что у нас такой уж безмятежный брак. У нас жизнь - борьба. Мы оба очень самостоятельные люди, каждый со своими вкусами, иногда разными резкими оценками одного и того же. А порой наоборот: я знаю, о чем она думает, а она - о чем я. Бывает, что мы едем в машине и долго молчим, и вдруг она скажет точно продолжение моих мыслей. Такая странная вещь. За 28 лет, которые мы вместе, все у нас с ней переплелось. При этом у нас совершенно не идеальные отношения. Все время на грани взрыва. Мы много раз расходились и сходились.

Мы такая пара, которая не дает друг другу вскочить на плечи. Каждый хочет быть самостоятельным. Я не хочу, чтобы на мне ездил. И Светлана не хочет. Мы "два пернатых в одной берлоге". Оба очень сильные люди. Может быть, даже Светлана сильнее, чем я. Я - более истеричный. Могу выкинуть финт. Светлана никогда ничего не выкинет.

Ее никогда, ни в малейшей мере не задевала моя известность. Она сама лауреат нескольких премий. Просто кинорежиссер всегда больше на виду, чем сценарист.

Вчера уехал мальчишка, наш сын. В Москву - жить у бабушки и учиться (кошмар!) на кинорежиссера. И я вдруг вспомнил, когда его провожал, что этим же маршрутом вез Светлану в родильный дом. У меня было такое ощущение, что это произошло неделю назад. Представляете, какая жуть? Я пришел

домой и напился. Хотя вообще не пьющий. А ведь никогда не был сентиментальным папашей.

Монолог третий. Про собаку

Собаку мою зовут Медведев, не в честь нашего министра, а в честь людей, которые достали его из помойного бака. Щенка кто-то положил в целлофановый пакет и выбросил. Ну а нам его притащили, чтобы мы его кому-нибудь отдали. Мы бы так и сделали, но он вдруг заболел, пока болел, так и прижился. Обошелся он нам уже в чудовищные деньги. Он все время болеет, его все время кто-то стрызает. Последнее, что он стрыз, - пульт от телевизора, это позавчера случилось.

Когда я уйду, он устраивает такой вой, как будто его шьют на швейной машине. Я прямо только удворняг бывает (в принципе собака на дворнягу не похожа, скорее на стаффордширского терьера. - Прим. О.К.), он узнает мою машину по звуку. Я машину на сигнализацию ставлю, он уже соображает, что я приехал. Все! Весь дом сотрясается от его воя. Зачем он мне нужен, не знаю, но теперь уж никуда не денешься. Он уже такой своей пес для меня стал. Ну а характер... может, это действительно от того, что ему пришлось пережить. Ведь не каждому доводится провести часть своей юности в помойном бачке.

Монолог четвертый. О вере

Вера, как любовь, приходит с каким-то удивлением, испугом. Что такое вера - никто не знает. Сейчас все верят, поставили себе гигантские иконы, строят гигантские церкви и как будто от этого стали больше верить. У меня вот тоже стоит икона, но в отличие от других я не то что такой уж верующий... Помню, мы сына крестили, это был год, наверное, семьдесят восьмой. Мы ездили с его крестным отцом, кстати, членом партии, известным врачом, километров за двести с лишним от Ленинграда, машину надо было оставлять на другом конце деревни, потому что могли записать номер машины и наступать. Священнику надо было сначала идти обедать, пока уйдет церковный староста, потому что он тоже записывал все и стучал. Куда они все девались, стукачи-то эти?

Я не от такой уж веры тогда крестил сына, скорее крестил и думал: "А вдруг, Господи, там действительно..." Я тогда много Бердяева читал, все искал что-то. А потом я познакомился с протестантским пастором. Как-то так получилось, на каком-то церковном семинаре. Меня туда вызвали после фильма "Проверка на дорогах". Там икону женщина несла, потом поставила ее под дерево и перекрестила. Это понравилось, и нас со Светланой пригласили на семинар, где выступал очень глупый человек. Он определял, какие фильмы в России Божья, а какие нет, по количеству в них икон. А фильм Божий может

быть только по количеству страдания к людям. На этом мы с пастором и сошлись, разговорились, и я его спросил, как он пришел к Богу. Он ответил мне: "Я был солдатом на войне, и однажды я испугался". Это я понимаю и этому верю.

Монолог пятый. Про любовные сцены в кино

В "Двадцати днях без войны" я снимал Люду Гурченко и Юрия Никулина. Когда мы перешли к алкогольной сцене, это был полный цирк. Люся любит по телевизору рассказывать этот эпизод, как она говорит Никулину: "Подними меня на руки, у тебя такие сильные руки..." А он ей на ухо говорит в это время: "А если бы ты знала, какие у меня ноги". И они оба, как сумасшедшие, хохочут.

Но с другой стороны, представьте себе: ночная сцена, любовная. Мне надо замечательно прелестного, потрясающего Юрия Владимировича раздеть. У Юрия Владимировича плечи начинаются от ушей и прямо скажем - не очень широкие. Фигура такая. Люся тоже уже не такая юная и ее особо не пораздеваешь. Вот представьте себе, как из этой ситуации выпутываться. Поэтому я и придумал от отчаяния: "Подними меня, у тебя такие сильные руки..."

В "Хрустале, машину" у меня очень страшный сценарий. Там, собственно, любви почти нет. В каком-то смысле - одной сюжетной линией - это продолжение "Лапшина". Там есть любовная сцена, когда вдруг с жуткой несчастной толстой у генерала получилась любовь, на одну ночь. Смешная. Но генерал будет потом всю жизнь вспоминать. Жену не будет вспоминать, ребенка. Потому что он из своей роскошной прошлой жизни ушел. А случайную подругу будет. Мне понравилось это более интересным.

Монолог шестой. Про любовный треугольник

Любовный треугольник - это то, что существовало в "Лапшине". Одной из вечных тем для спора между мной и Виктором Аристовым, который работал в картине вторым режиссером, был именно любовный треугольник. Скандалы по этому поводу разгорались страшные. Витя вечно кричал: "Если нет любовного треугольника, я вообще не понимаю, про что кино". А я кричал в ответ, что если здесь будет любовный треугольник, то я выпрыгну в окно. Потому что это самое неинтересное, что только может быть: он любит ее, она любит не его, а другого. В этом кино это абсолютная катастрофа. Здесь фокус состоит в том, что он любит ее, а она его не любит. А кого она любит? До фонаря! (ну Миронова она любит, потому и взяла Миронова, что его бабы любили), а за окном идет такая вот жизнь - надвигающаяся на них на всех смерть.

Самая что ни на есть жизненная ситуация - это любовный треугольник, так многие считают. А мне она неинтересна. Ведь каждый скроен по-своему, верно?